

УДК 413.11

А. Н. Куклин*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***МЕТОДОЛОГИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ
АРХЕТИПА РЕЛИКТОВЫХ ГИДРОНИМОВ**

В статье охарактеризованы лишь наиболее типичные ошибки, встречающиеся в работах ученых-лингвистов, краеведов-географов и историков, в применении методов исследования и приемов интерпретации при анализе архетипа реликтовых гидронимов.

Ключевые слова: речное название (потамоним), смысловое содержание реликтовых гидронимов, топоним, методы и приемы исследования, субстратно-адстратные факторы, этимологизация апеллятива

В общей совокупности различных методов, применяемых для реконструкции гидронимов, ведущее место принадлежит методам и приемам компаративистики и контрастивной лингвистики, направленных на ширококомасштабное историко-культурное исследование с использованием лингвистических данных родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов, привлечением материалов по материальной и духовной культуре соседствующих народов, сведений по этнологическим, археологическим и палеоантропологическим изысканиям.

Несоблюдение указанных установок, а также элиминирование (исключение) исторических, регионально-этнических и естественно-географических данных, требующих скрупулезного их анализа и усложняющих процесс исследования, неизбежно ведут к искажениям и неточностям в интерпретации топонимического материала.

В этой связи следует указать на наиболее типичные ошибки в применении лингвистических методов для анализа ономастического материала и апеллятивной лексемы, находящейся в основе географического названия.

Происхождение речного названия (потамонима) часто объясняется неверно вследствие того, что исследователями отождествляются разноязычные слова по схожести внешнего облика без учета их генетических истоков. Факторы субстратно-адстратного и этноисторического характера при этом ими не учитываются.

Так, название **Шүгарэнгер** (офиц. **Шугаренер**), речка в бассейне р. Илеть (Сотнурская сельск. адм. Волжск. р-на Марий Эл), объясняется О. П. Во-

ронцовой и И. С. Галкиным смысловым содержанием марийской лексемы **шүгар** 'могила'. По их мнению, **Шүгарэнгер** – 'Река с могилой' [5, с. 386].

В этой связи необходимо подчеркнуть серьезные отличия ситуации этимологизирования таких потамонимов. Речное название **Шүгар** с вариантами **Шегар**, **Шагар**, **Шугар** числится в разряде ареально-лингвистических изоглосс в гидронимиконе России. Как явствуют лингвогеографические материалы, его двойник фигурирует в центральной части Обь-Иртышского междуречья Западной Сибири – **Шегарка** – р., лев. приток р. Обь. Он этимологически, видимо, связан с речным названием **Шагарка** – р., лев. приток р. Миндяк в Башкортостане [7, с. 217].

И. А. Воробьева, анализируя имеющиеся гипотезы о происхождении и семантике гидронима **Шегарка**, пишет: «Э. Г. Беккер объясняет это название из селькупского **ше:га** 'черный', однако он ничего не говорит о появлении звука [р]. На некоторых картах XVIII века ее называют **Шегань**, а Г. Ф. Миллер – **Шагарай**, поэтому данный топоним нуждается в дальнейшей этимологизации» [4, с. 141].

В этимологических объяснениях часто встречаются неувязки и противоречия в трактовке смыслового содержания реликтовых гидронимов, топонимов, наличествующих в названиях географических объектов Среднего Поволжья.

Причиной неверного понимания сущности названия является то, что, видоизменившись на почве другого языка, он может совпасть по своему внешнему облику с другой лексемой, расширяя тем

самым круг гетерогенных омонимов, а по прошествии некоторого времени и утратить изначальную свою семантику, подвергаясь значительному переосмыслению.

Достоверность объяснения его первичного значения возможная лишь на основе так называемой «цепной» реконструкции с опорой на фонологические отложения, встречающиеся в субстратных лексемах, по их спорадическим изоглоссам, уцелевшим в диалектах уральских, тюркских, славяно-русского языков.

В этой связи заслуживает внимания этимология речного названия **Турью** (офиц. **Турья**). Вот что пишут по этому поводу О. П. Воронцова и И. С. Галкин: «Гидроним, по всей вероятности, пермского происхождения, состоит из двух элементов: **тур** ‘полный, наполненный’ + **ю** ‘река’, т. е. ‘Полноводная река’. В топооснове **Тур** – усматривать манс. **тур** ‘озеро’, как мы это делали раньше (см. работу И. С. Галкина Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 121. – А. К.), вряд ли будет верно, хотя и весьма заманчиво» [5, с. 331–332].

Следует, впрочем, заметить, что фонетический облик слов пермских языков О. П. Воронцовой и И. С. Галкиным искажен, ср. их правильные формы: коми-зыр. **тыр** ‘полный’ [15, с. 469], **тыра** ‘наполненный’ [15, с. 303]; коми-перм. **тыр**, **тыра** ‘полный’ [9, с. 227]; удм. **тыр** ‘полный’, **тыраз** ‘наполненный доверху’ [16, с. 757].

При этимологизации апеллятива ни в коем случае нельзя оперировать его искаженными формами. Точность интерпретации происхождения и смыслового содержания топонима зависит от того, насколько объективно и обоснованно анализируются языковые факты.

Между тем, как свидетельствуют материалы лингвистической географии, гидроним **Турья** встречается как в Среднем Поволжье, так и в других регионах России, ср., например, реки **Турея**, **Турья** – лев. приток р. Оки [18, с. 27]; р. **Турья** – лев. приток Оки между ее притоками Нары и Лопасни [18, с. 98]; д. **Турья** при речке **Турье** – по правой стороне Московского почтового тракта, через г. Козьмодемьянск [6, с. 754], речка **Турья** – Пинежск. р-н Архангельск. обл. [17, с. 96], р. **Тура** – приток р. Ингоды, ниже поселка Карымского, в Бурятии [12, с. 22].

Рассматривая ойконимы Республики Коми **Турья**, **Турьяыб** В. И. Лыткин трактует лексему **Турья** как исконное коми слово и реконструирует для него значение ‘шумливая’ [10, с. 76].

Известный коми топонимист А. И. Туркин, ссылаясь на «Этимологический словарь финского языка», склоняется к мысли, что **турья** как нарицательное слово означает ‘северный, лапландец, саам’ [19, с. 115]. При этом, видимо, он не обратил внимания на связь гидронима **Турья** с идентичными названиями рек Среднего Поволжья и горных районов Северного Урала к югу от Ивделя, а также Среднего Урала, см., например, р. **Турья**, западнее города Красноурьинска и Карпинска [11, с. 57]. Исходя из этого представляется целесообразным обратиться к поискам решения исключительно на мансийском языковом материале, подтверждение чему мы находим у известного топонимиста А. К. Матвеева. По его мнению, Турья – «Озерная река» [11, с. 57–58].

Такое же объяснение происхождения гидронима **Турья** предлагает и географ Э. М. Мурзаев [14, с. 25].

Завершая обзор работ по этимологизации рассматриваемой гидролексемы, следует обобщить, что первоисточником марийских названий **Турья** следует считать обско-угорские языки, где следы этой лексемы обнаруживаются в мансийских топонимах Среднего Урала, ср. манс. **tūr** ‘озеро’ + **jā** ‘река’ [8, с. 85, 99, 135, 145]. В качестве передаточного звена выступали, видимо, диалекты пермских языков, в частности, удмуртского.

Целесообразно упомянуть в этой связи, что удмуртский ономаст М. Г. Атаманов одинаковые названия реки и селения **Турья** (Килемарск. р-н Марий Эл) возводит в воршудно-родовому имени удмуртов (**тур** ‘тетерев’ + **-я** – аффикс) [1, с. 87]. Ученый-языковед С. К. Бушмакин лексему **Турья** считает производной от **тури**, **тур** ‘тетерев, журавль’ и предполагает, что данный тип воршудных имен-этнонимов является тотемным, а по времени возникновения относится к периоду матриархата [2, с. 174].

Однако употребление гидронима-композиции **Турья** в качестве географического термина остается бесспорным, да это и не столь важно, поскольку представляется возможным переход гидрографического термина в микроэтноним. Весьма показательны в этом отношении марийские микроэтнонимы: **Какшамарий** ‘кокшайские мари’ – **Какша** < **Кокша** – гидроним **Шудымарий** ‘шудинские мари’ – **Шуд** < **Шуда** – гидроним, **Лажмарий** (офиц. **Ляжмари**) – **Лаж** (**Ляж**) – гидроним и др. В связи с этим версия о воршудно-родовом происхождении гидронима **Турья** должна быть признана неверной. Можно допустить, что удмуртский микроэтноним **турья**

является отгидронимным, а гидроним – субстратным.

Происхождение и смысловое содержание отдельных потамонимов трактуется неверно из-за того, что исследователями игнорируются ареально-лингвистические изоглоссы. Как известно, ареалогия в топонимике, связанная со всеми этапами пространственных исследований, имеет наибольшее значение для интерпретации истории географических названий, поскольку в топонимической карте отражаются имена и их варианты, созданные на разных языках и в разное время. Так, в речном названии **Ро-го** (офиц. **Ронга**) составителями словаря выделяется гидрооснова **рон** (**ронь**), которая сравнивается с коми лексемой **рунь** (**гыны**) ‘тихо, лениво идти, брести’. Ауслаутный элемент гидронима **-га**, по их мнению, является гидроформантом. Исходя из этого, смысловое содержание гидронима объясняют они как ‘Тихая, медленно текущая река’ [5, с. 285].

Однако этот гидроним относится к числу ареально-лингвистических изоглосс в области топонимии, ибо она, кроме территории Республики Марий Эл, бытует в других регионах России, ср., например, название притока р. Ояти **Ронгу** (Ленинградск. обл.). По мнению И. И. Муллонен, этот гидроним восходит к саамскому $ro\check{G}'\check{G}'^{IE}$, $ro\check{G}'k'^{IE}$ ‘углубление’, $jokk- ro\check{G}'\check{G}'^{IE}$ ‘русло реки’ [13, с. 79].

Указывая на физико-географические особенности р. Ронги РМЭ, следует отметить, что ее русло извилистое, слабо разветвленное; берега устойчивые, местами крутые. Это обстоятельство является одним из факторов сопоставления гидронима с саамской лексемой $ro\check{G}'iek$ ‘извилистая’ [22, с. 737].

Необходимо вместе с тем отметить, что модельная природа архетипа (праформы) тополексемы четко вырисовывается лишь при условии, если для сравнения привлекается значительное количество материально-родственных слов саамского языка. Причем в генетически сопоставимом материале значительную роль должна играть системность фонологических корреспонденций при определенной близости семантики тополексем.

Некоторые реликтовые апеллятивы находят свое подтверждение лишь в диалектах саамского языка, в остальных же родственных языках такие свидетельства не имеются. Так, марийское луговое (марЛ) **шӱргӱ** ‘лиственный лес’, марийское горное (марГ) **ш | рг |** ‘лес’ генетически связаны с саамской лексемой **sargga** ‘густой лес’. Что касается их фонетических расхождений, то следует

отметить, что в ряде этимологически связанных слов в позиции первого слова на месте марЛ [j], марГ [/] в саамском выступает широкий гласный [a] или [â].

Ср.:

марийские слова

марЛ [j]

j̄n̄i ‘запах’

марЛ [j], марГ [/]

марЛ *v̄j̄p*, марГ *v / p* ‘кровь’

марЛ *k̄j̄p*, марГ *k / p* ‘лубок’

марЛ *ūj̄l̄ö*, марГ *u / l* ‘обхват (мера длины, равная обхвату вытянутых рук взрослого человека)’

саамские слова

саам. [a]*

aps ‘запах’ [408]

саам. [â]

vâŋgâ ‘кровь’ [412]

gâŋgâ ‘кора’ [415]

sâllâ ‘грудь, сажень’ [401]

В силу отмеченных обстоятельств нельзя не согласиться с Б. А. Серебренниковым, подчеркивающим, что «некоторые специфические изоглоссы, связывающие саамский язык с марийским, свидетельствуют о том, что саамы формировались на какой-то более южной территории» [20, с. 9].

Исходя из топоизоглосс, нетрудно убедиться в том, что эта территория находилась в Южнотаежной области возвышенности Вятского увала, в пределах бассейнов рек Малого Кундыша, Ронги, Ургакша, Шуи, Шукшана и Немды. Рельеф этой территории представлен куполовидными пологовыпуклыми водораздельными равнинами [3, с. 18], расчлененными овражно-балочной сетью. Лесные массивы приурочены в основном к долинам рек.

Дополнительной иллюстрацией вышеприведенному положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах – $hug (3+3) N^3$ – сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. Коленчатая складка метаконида (dw) у горных мари – 26,3; саамов Финляндии – 31,3; саамов Кольских – 32,7; луговых мари – 40,0; селькупов – 50,0. У остальных групп

* Иллюстративный материал приводится из книги «Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков» (М., 1974). После соответствующих слов указываются страницы из этой книги.

уральской популяций этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1); хантов (15,7) [21, с. 35–36].

Здесь отмечены лишь некоторые ошибки в применении лингвистических методов и приемов интерпретации при анализе субстратных речных названий.

Сокращенные названия языков и диалектов

коми-зыр. – коми-зырянский язык;
коми-перм. – коми-пермяцкий язык;
манс. – мансийский язык;
мар. – марийский язык;
марГ – горное наречие марийского языка;
марЛ – луговое наречие марийского языка;
саам. – саамский язык;
удм. – удмуртский язык



1. Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. 83 с.
2. Бушмакин С. К. Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. М., 1970. С. 168–176.
3. Васильева Д. П. Ландшафтная география Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1979. С. 18.
4. Воробьева С. К. Язык земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973. 152 с.
5. Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2000. 424 с.
6. Вятская губернія. Списокъ насленныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859–1873 годовъ. СПб., 1876.

7. Гареев А. М. Реки и озера Башкортостана. Уфа, 2001. 260 с., ил.

8. Кузакова Е. П. Словарь манси (Восточный диалект). М., 1994. 315 с.

9. Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь. Общеобразовательной школаэзын велӧтчиссез понда. Кудымкар, 1993. 288 с.

10. Лыткин В. И. Этимология из пермских языков // Вопросы финно-угроведения. Языкознание: тезисы докл. на XVI Всесоюз. конф. ф.-у. Сыктывкар, 1979. С. 76.

11. Матвеев А. К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 49–58.

12. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан Удэ, 1969. 187 с.

13. Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 79.

14. Мурзаев Э. М. Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии: науч. сб. Московск. филиала Географ. общ-ва Союза ССР. Сб. 81: Местные географические термины. М., 1970. С. 16–35.

15. Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966. 776 с.

16. Русско-удмуртский словарь. М., 1956. 1360 с.

17. Сими́на Г. Я. Дославянская топонимия Пинежья // Вопросы географии: науч. сб. Московск. филиала Географ. общ-ва Союза ССР. С. 58: Географические названия. М., 1962. С. 85–89.

18. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озера). М., 1976. 403 с.

19. Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986. 144 с.

20. Финно-волжская языковая общность. М., 1989. С. 9.

21. Халдеева Н. И. Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 35–36.

22. Lagercrantz E. Lappischer Wortschatz I–II // Lexica Societatis Fenno-Ugricae VI. Helsinki, 1939. S. 73.

Статья поступила в редакцию 19.04.2016 г.

|| Для цитирования: Куклин А. Н. Методология реконструкции архетипа реликтовых гидронимов // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 4 (24). С. 89–94.

Об авторе

Куклин Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, markaf@marsu.ru

A. N. Kuklin*Mari State University, Yoshkar-Ola***METHODOLOGY OF RECONSTRUCTING ARCHETYPE
OF ANCIENT HYDRONYMS**

Considering different methods used for reconstructing of the ancient hydronyms a leading place belongs to the methods and techniques of comparative and contrastive linguistics, aimed at large-scale historical and cultural investigation, using linguistic data of relative and unrelative languages and their dialects, involving materials on spiritual and material culture of neighbouring nations, information on ethnological and paleoanthropological investigations. Elimination of regionalistic and natural geographic data, requiring rigorous analysis and complicating the process of research, will inevitably lead to distortions and inaccuracies in the interpretation of the toponymic material. In this connection it should be noted more typical errors in the application of linguistic methods for analysis of onomastic material and appellative lexeme that is in a geographical name. The origin of a river name (potamonym) is often explained incorrectly because researchers identify multilingual words by external similarity, excluding genetic sources. Herewith, ethnohistorical, substrate and adstrate factors are not taken into account. In the etimological explanations inconsistencies and contradictions are often found in the interpretation of the content of ancient hydro- and topo- which are in the geographical objects of the Middle Volga. The reason for misunderstanding of the name is that modified on the basis of a different language it can be matched with its outlook with the other lexeme expanding the range of heterogeneous homonyms and after some time it can lose its original semantics incurring significant rethinking. The accuracy of the explanation of its original meaning is possible only on the basis of "chain" reconstruction relying on phonological occurring in the substrate lexemes, by their sporadic isoglosses, survived in the dialects of Uralic, Turkic- Slavyano-Russian languages. It is impossible to operate with distorted forms when etimologization. Accuracy interpretation of the toponym origin and semantic content depends on how objectively and reasonably analyzed linguistic facts. The origin and meaning of individual content potamonimov restaurants incorrect due to the fact that investigators ignored arealno- linguistic isoglosses. Only some errors in the application of linguistic methods and interpretation techniques in the analysis of river names are marked here.

Keywords: name of a river (potamonim), semantic content of relict hydro- and topo-tokens, methods and techniques of research, substrate-adstrate factors, etymologization of appellative



1. Atamanov M. G. Udmurtskaja onomastika [Udmurt onomastics]. Izhevsk, 1988, 83 p.
2. Bushmakina S. K. Vorshudnye imena – mikrojetnonimy udmurtov [Vorshud names – microethnonyms of the udmurts]. *Jetnonimy* = Ethnonyms. M., 1970, pp. 168–176.
3. Vasil'eva D. P. Landshaftnaja geografija Marijskoj ASSR [Physical geography of Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, 1979, p. 18.
4. Vorob'eva S. K. Jazyk zemli. O mestnyh geograficheskikh nazvaniyah Zapadnoj Sibiri [Language of the nation. About local geographical names of West Sibire]. Novosibirsk, 1973, 152 p.
5. Voroncova O. P., Galkin I. S. Toponimika Respubliki Marij Jel: Istoriko-jetimologicheskij analiz [Toponymy of Mari El Republic: Historical and etymological analysis]. Yoshkar-Ola, 2000, 424 p.
6. Vjatskaja gubernija. Spisok# naslennyh# mĥst# po svĥdĥnim# 1859–1873 godov# [Vyatka region. The list of local area of 1859–1873]. SPb., 1876.
7. Gareev A. M. Reki i ozera Bashkortostana [Rivers and lakes of Bashkortostan]. Ufa, 2001, 260 p., il.
8. Kuzakova E. P. Slovar' mansi (Vostochnyj dialekt) [Mansi dictionary (East dialect)]. M., 1994, 315 p.
9. Komi-permjacko-russkij i russko-komi-permjackij slovar'. Obshheobrazovatel'noj shkolajezyn velŏtchishez ponda [Komi –

permian – russian dictionary and russian – komi – permian dictionary]. Kudymkar, 1993, 288 p.

10. Lytkin V. I. Jetimologija iz permskih jazykov [Ethymology of permian languages]. *Voprosy finno-ugrovedenija. Jazykoznanie* = The problems of Finno-Ugri linguistics: tezisy dokl. na HVI Vsesojuz. konf. f.-u. Syktyvkar, 1979, p. 76.

11. Matveev A. K. K voprosu o zapadnyh granicah pervonachalnogo rasselenija mansi po dannym toponimii [The problems of the settlement of the West mansi on toponymic data]. *Onomastika evropejskogo Severa SSSR* = Onomastics of European North SSSR. Murmansk, 1982, pp. 49–58.

12. Mel'hev M. N. Toponimika Burjatii. Istorija, sistema i proishozhdenie geograficheskikh nazvanij [Toponymy of Buratia. The history, system and the jrigin of geographical names]. Ulan Udje, 1969, 187 p.

13. Mullenon I. I. Gidronimija bassejna reki Ojati [Water-names Basin Oyati]. Petrozavodsk, 1988, p. 79.

14. Murzaev Je. M. Mestnye geograficheskie terminy i ih rol' v toponimii [Local geographical terms and their role in toponymy]. *Voprosy geografii: nauch. sb. Moskovsk. filiala Geograf. obshh-va Sojuza SSR* = The problems of geography. Sb. 81: Mestnye geograficheskie terminy. M., 1970, pp. 16–35.

15. Russko-komi slovar' [Russian-komi dictionary]. Syktyvkar, 1966, 776 p.

16. Russko-udmurtkij slovar' [Russian-udmurt dictionary]. M., 1956, 1360 p.

17. Simina G. Ja. Doslavjanskaja toponimija Pinezh'ja [Pre-Slavonic toponymy of Pinezhya]. *Voprosy geografii: nauch. sb. Moskovsk. filiala Geograf. ob-va Sojuza SSR* = The problems of geography. S. 58: Geograficheskie nazvanija. M., 1962, pp. 85–89.

18. Smolickaja G. P. Gidronimija bassejna Oki (spisok rek i ozera) [Hydronyms of the Ob' basin (a list of rivers and lakes)]. M., 1976, 403 p.

19. Turkin A. I. Toponimicheskij slovar' Komi ASSR [The Komi dictionary of toponyms]. Syktyvkar, 1986, 144 p.

20. Finno-volzhskaja jazykovaja obshhnost' [Volga Finno-language obschnost]. M., 1989, p. 9.

21. Haldeeva N. I. Ural'skaja rasa po dannym odontologii [Uralskaya race according dentistry]. *Materialy k antropologii ural'skoj rasy* = Materaly anthropology Ural race. Ufa, 1992, pp. 35–36.

22. Lagercrantz E. Lappischer Wortschatz I–II. *Lexica Societatis Fenno-Ugricae VI*. Helsinki, 1939, p. 73.

Submitted 19.04.2016.

Citation for an article: Kuklin A. N. Methodology of reconstructing archetype of ancient hydronyms. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 4 (24), pp. 89–94.

About the autor

Kuklin Anatolii Nikolaevich, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, markaf@marsu.ru